

Современное состояние комплекса региональной безопасности Северо-Восточной Азии

Андрей Владимирович ГУБИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Цзилиньский университет, Чанчунь, Китай, gubin.av@dvfu.ru

Аннотация. Международные отношения в Северо-Восточной Азии отличаются турбулентностью, вызванной хаотичным поведением акторов и видоизменяющимся характером связей между ними. В регионе отсутствуют институты в сфере безопасности, что снижает стабильность и предсказуемость. Современное положение дел зависит от изменения природы противоречий, сокращения возможностей для переговоров, увеличения значения силового сдерживания, подключения когнитивного и информационного измерений. Разрядка возможна только при нахождении компромисса двумя главными центрами силы – КНР и США, однако противоречия приобрели системный и всеобъемлющий характер. Нарастание американо-китайского противоборства оказывает существенное воздействие на интересы безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, региональная безопасность, военный конфликт, Китай, США

Для цитирования: Губин А.В. Современное состояние комплекса региональной безопасности Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 108–115. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/108-115>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/108-115>

Contemporary status of regional security complex of North East Asia

Andrey V. GUBIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Jilin University, Changchun, China, gubin.av@dvfu.ru

Abstract. International relations in North East Asia are characterized by turbulence, caused by chaotic behavior of actors and changing character of relations between them. In the region, there are no institutions in the field of security, which reduces stability and predictability. The current situation depends on the change in the nature of contradictions, the reduction of opportunities for negotiations, the increase in the significance of forceful restraint, the inclusion of cognitive and informational dimensions. Relief is possible only when a compromise is found between two main centers of power – PRC and USA, however, contradictions have become systemic and all-encompassing. The growing US-China rivalry exerts a significant impact on the security interests of the Russian Federation.

Keywords: North East Asia, regional security, military conflict, China, USA

For citation: Gubin A.V. Contemporary status of regional security complex of North East Asia // Oriental Institute Journal. 2024. No. 1. P. 108–115. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/108-115>

Введение

Все основные противоречия в Северо-Восточной Азии обусловлены итогами Второй мировой войны, а также особенностями течения холодной войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где не сложилось противостоящих друг другу блоков. Американо-китайское сближение 1970-х – 1980-х годов и развал Советского Союза обеспечили лишь временное облегчение – ни один из конфликтов в регионе окончательно решён не был и ещё более усложнился с точки зрения поиска приемлемых путей решения. Главными зонами противоречий, как и прежде, являются Корейский полуостров, южная часть Курильских островов и Тайваньский пролив, однако расстановка сил во всех случаях в настоящее время претерпевает существенные изменения.

Активные боевые действия в СВА не ведутся с момента перемирия сторон конфликта в Корее 1953 года, первого "тайваньского кризиса" 1958 года и столкнове-

ний за остров Даманский 1968 года. Однако сегодня положение дел осложняется, прежде всего, нарастанием интенсивности комплексного противоборства между Китаем и США, куда неизбежно оказались втянуты и американские союзники – Япония и Республика Корея. Фактором нестабильности становится и активная позиция тайбэйской администрации в сфере укрепления обороны острова. Повышение уровня напряжённости в СВА влечёт за собой и обострение угроз для национальной безопасности России.

Особо стоит отметить существенное сокращение горизонта прогнозирования событий до ближайших двух-трёх лет. Это привело к увеличению сложности выработки эффективного плана действий в сфере внешней политики и безопасности, в том числе и для российских ведомств и организаций, задействованных в процессе принятия решений.

Современная стратегическая ситуация в Северо-Восточной Азии, то есть совокупность факторов, оказывающих значимое воздействие на региональную подсистему международных отношений, имеет ряд отличительных черт. Понимание современных особенностей позволит более точно определить характер угроз для России на данном направлении и предложить возможные способы реагирования.

Работа во многом выстроена вокруг теории комплекса региональной безопасности, разработанной представителями Копенгагенской школы исследований безопасности Барри Бузаном и Оле Вейвером в начале 2000-х годов. Данная концепция подразумевает, что безопасность каждого актора в регионе находится в тесной и взаимной зависимости от других.

Видоизменение характера двусторонних споров

Ни один из вышеперечисленных потенциальных конфликтов в настоящее время прямо не направлен на установление контроля над территорией или акваторией. Захват и удержание участков суши или моря затрудняются в каждом конкретном случае собственным набором причин, однако в целом аргументы против сводятся к невозможности обеспечить решающее военное превосходство и добиться однозначной победы над противником.

В частности, российско-японские противоречия выходят за рамки так называемой проблемы "северных территорий". Притязания Токио на Малую Курильскую гряду (группа Хабомаи и остров Шикотан) и два острова южной части Курильских островов (Кунашир и Итуруп) в современных условиях отказа России от переговоров по данному вопросу [3] и перехода Японии в категорию "недружественных стран" [5], абсолютно нереализуемы через достижение договорённостей. Данный тезис неоднократно доводился Москвой по линии МИД. Гипотетическая же опора японцев на военную силу для удовлетворения претензий неизбежно приведёт к силовому ответу со стороны России. Вашингтон не оспаривает российского суверенитета над вышеупомянутыми островами, а значит действия Токио будут явно выходить за рамки гарантий оказания военной помощи, согласно Договору 1960 года.

Республика Корея (РК), равно как и КНДР, скорее всего, осознают невозможность создания единого корейского государства в любом виде. В частности, в декабре 2023 года Ким Чен Ын объявил о невозможности объединения как путём поглощения, так и через совмещение систем, которые рассматриваются на Юге, так как это противоречит единственно возможному принципу – "одна нация, одна страна и две системы" [11]. Мирный путь закрыт, главным образом, отсутствием на данный момент устойчивого канала переговоров. Военные потенциалы любой из сторон недостаточны для уверенного разгрома противника. Надежды Сеула на крах северокорейского режима в силу экономических проблем и борьбы за власть не оправдались, также как не состоялся и выход РК из-под американского влияния. Вопрос же о Северной разграничительной линии в Жёлтом море¹ не может обсуждаться сторонами отдельно от общего урегулирования отношений.

¹ Оспариваемая морская демаркационная линия в Жёлтом море, разделяющая КНДР и Республику Корея и фактически являющаяся морской границей между двумя странами. Проведена в односторон-

Несмотря на приоритет мирного воссоединения родины для Пекина и демонстративную готовность руководства Коммунистической партии Китая применить военную силу в случае провозглашения тайбэйской администрацией независимости или вмешательства "третьих сил", вхождение острова в состав КНР как полноценной административно-территориальной единицы – практически невыполнимая задача. Перспектива воссоздания Китайской Республики со столицей в Нанкине в границах до 1 октября 1949 года вообще выглядит абсолютно фантастической и уже практически не упоминается нынешними тайваньскими властями, оставшись уделом малой части реваншистски настроенных пользователей социальных сетей.

Спор относительно принадлежности островов Сэнкаку/Дьяоюйдао более нельзя рассматривать как часть только японо-китайских отношений, территориальный аспект явно отошёл на второй план. Для Пекина принципиальным является не фактическое владение Дьяоюйдао, а затруднение любых действий Токио, противоречащих коренным интересам КНР², прежде всего военного характера. Потому управление и освоение данной части акватории Восточно-Китайского моря для Японии чрезвычайно затруднено постоянным присутствием китайских военных кораблей и рыболовных судов, а также манёврами и патрульными миссиями Народно-освободительной армии (НОАК), в том числе совместно с Вооружёнными Силами Российской Федерации [8].

Территориальный аспект (острова Токто/Такэсима) присутствует в японо-южнокорейских отношениях, однако сегодня не определяет характер взаимодействия и признан сторонами "замороженным" [10]. Упоминания о правах некой абстрактной Кореи на "остров Ноктун (Олений)" в русле реки Туманной³ или условного Китая на "64 деревни" на северном берегу Амура⁴ не встречаются в официальных заявлениях, документах и материалах СМИ и не возникают в повестке дня дипломатических отношений.

Сокращение переговорного поля

Практически ни одна пара связей в Северо-Восточной Азии в условиях потенциальных конфликтов не реализуется автономно и по собственной логике. За период пандемии COVID-19 существенно сократилась интенсивность обменов Китая с Японией и Республикой Корея, а также через Тайваньский пролив. В итоге стало возможным проведение Вашингтоном целенаправленной политики по отда-

нем порядке решением ООН от 30 августа 1953 года в качестве продолжения военной демаркационной линии и не признаётся Пхеньяном, поскольку отделяет пять прибрежных островов, находящиеся у северо-корейской береговой черты. Военные корабли Республики Корея и КНДР патрулируют воды в районе Северной разграничительной линии. Несколько раз здесь происходили вооружённые инциденты, самые серьёзные – в 2002 и 2010 годах в районе острова Ёнпхёндо, подконтрольного южнокорейцам.

² К коренным интересам Китая обычно относят суверенитет, территориальную целостность, безопасность, политическую систему и важнейшие интересы экономического развития.

³ Участок, площадью 32 кв. км, в русле реки Туманной на границе КНДР и Приморского края России. Входил во владения Кореи в период династии Чосон. В результате обмеления и изменения течения реки соединился с сушей левобережья и перестал быть островом. По Пекинскому договору 1860 года, Ноктундо отошёл от Цинского Китая к Российской империи, с 1926 года находится в составе Хасанского района Приморского края. Согласно договору 1990 года между СССР и КНДР, была установлена линия государственной границы по фарватеру реки Туманной, и территория бывшего острова была признана северо-корейскими властями советской. Однако данное соглашение не признаётся Сеулом, который продолжает считать данный участок "корейской землей", хотя и не предъявляет официально никаких претензий.

⁴ Территория, площадью 3 600 кв. км, на северном берегу реки Амур, напротив китайского города Хэйхэ провинции Хэйлуцзян и на восточном берегу реки Зeya, напротив Благовещенска Амурской области. По Айгунскому договору 1858 года между Цинским Китаем и Российской империей, все земли к северу от Амура перешли к России. Китайская Республика, образовавшаяся в 1911 году, не признавала данное соглашение. Согласно советско-китайскому договору о границе от 1991 года, Китайская Народная Республика отказалась от всех претензий на указанные земли. Тем не менее формально власти острова Тайвань, считающие себя преемниками Китайской Республики, продолжают считать "64 деревни" китайской территорией. Однако в силу того, что самостоятельность Тайваня не признаётся ни Россией, ни КНР, данные претензии не могут быть предъявлены официально.

лению сторон сотрудничества друг от друга, прерыванию сложившихся связей и культивированию взаимной враждебности.

Связи Пекина с Сеулом и Токио постепенно становятся более зависимыми от контекста китайско-американских отношений. Автономия и собственная логика всё ещё сохраняется в торгово-экономических аспектах в силу значительного пока объёма товарооборота порядка 350 млрд долл. с каждым из партнёров [14]. Взаимодействие России с Республикой Корея и Японией практически полностью подчинено логике общей конфронтации со странами Запада, ограниченные возможности диалога ещё сохраняются по линии малого и среднего бизнеса, гуманитарных связей. Можно утверждать, что и наблюдаемое японо-южнокорейское сближение носит вынужденный характер в силу проведения Вашингтоном курса по сплочению собственных союзников в целях противодействия Китаю, России и КНДР.

Ликвидация политической самостоятельности таких значимых стран региона, как Япония и Республика Корея, в итоге привело к существенному уменьшению переговорного поля, утрате доверия и затруднению обмена мнениями и намерениями. Фактически самостоятельное развитие диалога, в частности, для Москвы с Сеулом и Токио стало невозможным вне контекста российско-американских отношений.

Новой чертой является также увеличение активности европейских союзников США по НАТО на азиатском направлении, включая рост числа патрульных миссий и совместных учений, обсуждение вопросов постоянного или ротационного размещения элементов вооружённых сил, взаимную логистическую поддержку, обмен разведывательной информацией. Вопрос об открытии офиса Альянса в Токио пока не решён из-за блокирования Францией данной инициативы на саммите 2023 года в Вильнюсе, но окончательно не снят.

Расширение возможностей сдерживания

По инициативе Вашингтона все вопросы отношений с КНДР были увязаны исключительно с ракетно-ядерной программой Пхеньяна. Предложения России и Китая по отделению военной составляющей от экономических и гуманитарных аспектов сотрудничества, а значит и постепенное ослабление режима санкций Совета Безопасности ООН, остаются нереализованными [2]. Фактически американская администрация использовала фактор северокорейской угрозы как обоснование для сплочения союзников [12], наращивания собственной военной активности и изменения архитектуры военного присутствия, включая перспективное развёртывание на Тихом океане ракет средней, меньшей дальности и гиперзвукового оружия.

Кроме того, внушение чувства постоянной опасности на уровне руководителей и обывателей позволило США добиться от Токио, Сеула и Тайбэя взятия курса на существенное наращивание собственных военных возможностей. Приоритет отдаётся развитию ударного ракетного оружия наземного, морского и авиационного базирования, а также систем противоракетной обороны, что также отражено в ряде доктринальных документов [15]. Подобная иллюзия защищённости существенно снижает порог применения военной силы и начала конфликта.

Также США проводят целенаправленную политику по дискредитации Китая и России как стран, не желающих продолжить процесс сокращения стратегических наступательных вооружений и ограничения/запрещения отдельных видов оружия. Намерения у самого Вашингтона конструктивно подойти к данному вопросу отсутствуют, о чём свидетельствует неготовность предложить даже проект документа в продолжение истекающего в 2026 году договора СНВ-3.

Крайне опасной для стабильности в регионе и во всём мире представляется практическая реализация дискуссий в Японии, Республике Корея и на острове Тайвань о перспективах разработки собственного ядерного оружия или учреждения совместных ядерных миссий с США [9]. Тем более что Вашингтон ранее, в годы холодной войны, уже размещал в регионе собственные тактические средства ядерного нападения. Существует возможность и дальнейшего распространения

австралийского опыта приобретения многоцелевых атомных подводных лодок с ударным ракетным оружием в рамках соглашения о военно-техническом сотрудничестве AUKUS, в чём проявляет заинтересованность прежде всего Токио [6].

Идеологический и когнитивный аспекты противоборства

Особенности формирования в XX веке государственности нового образца в Японии, Республике Корея и на острове Тайвань, а также исторический опыт преопределили мощное влияние националистских идей на политические круги и широкие массы. Все три участника международных отношений в годы холодной войны являлись форпостами американского военного присутствия и существовали исключительно в капиталистической парадигме, что и обусловило доминирование там либеральных идей. Сегодня пусть антироссийские и антикитайские идеи и не разделяются большинством населения, но сторонники таких взглядов чрезвычайно влиятельны во внутривнутриполитической жизни и пользуются поддержкой США.

В средствах массовой информации и блогосфере нередко существенно искажается роль Китая, России и КНДР в современных международных отношениях. Данные государства упоминаются как ответственные за сложности экономического и социального характера без надлежащего объяснения мотивов действий и национальных интересов. При этом доступ к альтернативной информации, как правило, затруднён, а возможности публичных дискуссий, научных и экспертных обменов серьёзно ограничены. Подобные действия сделали возможной мобилизацию широких слоёв населения под явно националистскими лозунгами и позволяют перераспределять средства из социально значимых областей на нужды обороны, разведки и подрывной деятельности. Примерами клише, уже внедрённых на когнитивном уровне, являются выражения "китайский вирус" и "путинское вторжение", которые предлагаются идеологами в качестве универсальных причин всех проблем.

Особую тревогу вызывает процесс создания своеобразного "анти-Китая" на базе Тайваня, проводящийся Вашингтоном с начала 2000-х годов и окончательно оформившийся при администрации Демократической прогрессивной партии. США фактически реализуют здесь "украинский сценарий", обещая гарантии безопасности и военную поддержку, а также втягивая в зону потенциального конфликта союзников – Японию и некоторые страны НАТО. Идеи "особенности", новой идентичности и имидж "молодой демократии" активно распространяются по линии Американского института на Тайване и некоммерческих организаций [7].

Проводником тезиса о либеральном миропорядке как единственно верном стала и Япония, которая активно использует его в дипломатической линии и торгово-экономическом сотрудничестве для привлечения партнёров и трансляции антикитайских идей [13].

Есть ли опасность для России?

В условиях притязаний Токио на часть Курильских островов явным вызовом является военное строительство Японии, сопровождающееся антироссийской риторикой в выступлениях и документах. Появление у Токио ударного ракетного оружия, дальнейшее совершенствование сил и средств авиации и флота побудят Россию привлечь дополнительные ресурсы для защиты государственных интересов на Дальнем Востоке. Очевидные сложности быстрого устранения системных недостатков группировки российских вооружённых сил в регионе могут быть компенсированы совершенствованием системы развёртывания, обеспечения и применения собственных средств сдерживания, в том числе ядерного. Также перспективным направлением следует считать совместные патрульные миссии и учения с НОАК, особенно с учётом изменения позиции Пекина к японским территориальным претензиям в сторону поддержки позиции Москвы [1].

Усиление военного потенциала Республики Корея и Тайваня косвенно связаны с интересами национальной безопасности России. Конфликт в любой форме на Корейском полуострове или в Тайваньском проливе хотя и не предусматривает воен-

ного вмешательства России в силу отсутствия формальных обязательств помощи КНДР и КНР, однако потребует дополнительных мер защиты. Однако полноценное вовлечение Китая в боестолкновения с любым противником создаст для России ситуацию неопределённости и необходимость выбора рациональной линии поведения.

Существенная опасность для глобальной системы стратегического сдерживания исходит из действий США в Северо-Восточной Азии по размещению элементов собственных нестратегических ядерных сил и противоракетной обороны, в том числе с использованием потенциалов и территорий зарубежных партнёров в регионе.

Активное внедрение Вашингтоном малосторонних, камерных и эксклюзивных форматов взаимодействия ограничивает возможности российской дипломатии. Двусторонние связи Москвы с Токио и Сеулом практически полностью контролируются Вашингтоном, что сужает и чрезмерно политизирует повестку дня. В современных условиях наша страна может свободно доносить собственную позицию только на западных площадках, таких как G20, БРИКС, ШОС, АСЕАН, а также в ходе проводимых в России и дружественных странах международных форумов.

Серьёзную проблему представляет и ограничение доступа к официальной и независимой информации о России в Японии, Республики Корея и на Тайване. Официальный дискурс представляет Москву исключительно как опасного и непредсказуемого агрессора и ревизиониста, угрожающего миру ядерным оружием. Сложности в системном и последовательном распространении российских взглядов и оценок создают возможности для США по манипулированию общественным мнением и внедрению собственных идей, например, о "порядке, основанном на правилах" (rules-based order).

Также следует отметить последовательную работу США и союзников с Монголией. Улан-Батор пытается найти оптимальный путь развития и остаться в стороне от любых форм противоборств. Тем не менее антикитайские и антироссийские идеи активно распространяются Вашингтоном в монгольском обществе в качестве обоснования преодоления зависимости от Пекина и Москвы. Эти мотивы были заметны в ходе визита премьер-министра и министра иностранных дел Монголии в США в августе 2023 года [4].

Наконец, на всём пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона США настаивают на привилегированном положении стран, разделяющих западные ценности и взгляды. Для этой цели используются гуманитарные связи, торговое и инвестиционное сотрудничество, технологии формирования "гражданского общества" на демократических принципах западного образца, пропаганда через СМИ и средства коммуникаций, а также прямое давление на властные круги. Все остальные государства автоматически оказываются в лагере "автократий", к которым при необходимости могут применяться и методы принуждения – экономического, политического и военного.

В настоящее время из Северо-Восточной Азии не исходит прямой и явной угрозы государственному суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации. Ни одна страна не в состоянии отторгнуть часть российской территории или сделать невозможным выполнение властных полномочий на восточном направлении. Тем не менее нельзя однозначно утверждать, что таких намерений у представителей коллективного Запада нет.

Основная опасность исходит из стратегии США по намеренному обострению всех противоречий в регионе в интересах перенапряжения политических и экономических ресурсов своих основных противников – Китая, России и КНДР. При этом Вашингтон сознательно ликвидировал практически все каналы переговоров внутри региона по наиболее важным вопросам, добившись дезинтеграции СВА, для контроля политического поведения Токио, Сеула и Тайбэя и недопущения достижения сепаратных договорённостей.

Рост военных расходов и возможностей региональных игроков также отвечает американским интересам и соответствует логике сдерживания. При этом в США рассматривают различные сценарии применения военной силы со стороны Пекина, Пхеньяна или даже Москвы против любого из своих союзников и партнёров в СВА. В таком случае в регионе сложится явная ситуация биполярного противостояния практически без шансов на нормализацию внутрорегионального взаимодействия.

Литература

1. Китай сменил позицию по вопросу Курильских островов // РИА Новости. 03.04.2023. URL: <https://ria.ru/20230403/kurily-1862731351.html> (дата обращения: 13.08.2023).
2. Лавров: положения российско-китайской дорожной карты по КНДР признаны востребованными // ТАСС. 21.03.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5050963> (дата обращения: 25.07.2023).
3. Лакстыгал И. Россия закрыла вопрос о мирном договоре с Японией // Ведомости. 10.02.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/02/10/962581-rossiya-ne-hochet-mira> (дата обращения: 10.08.2023).
4. Петров Г. Монголия сближается с США // Независимая газета. 03.08.2023. URL: https://www.ng.ru/world/2023-08-03/6_8791_mongolia.html (дата обращения: 13.08.2023).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 430-р // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/44745> (дата обращения: 02.08.2023).
6. Auslin M. Why Japan should join AUKUS // Foreign Policy. 15.11.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/11/15/japan-aukus-jaukus-security-defense-pact-alliance-china-containment-geopolitics-strategy-indo-pacific/> (дата обращения: 10.08.2023).
7. Bush R.C. Taiwan's democracy and the China challenge // Brookings Institution. 22.02.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/taiwans-democracy-and-the-china-challenge/> (дата обращения: 02.08.2023).
8. Chan M. China and Russia to hold joint military drills in strategic waters near Japan // South China Morning Post. 15.07.2023. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3227824/china-and-russia-hold-joint-military-drill-strategic-waters-near-japan> (дата обращения: 10.08.2023).
9. Choe Sang-Hun. In a first, South Korea declares nuclear weapons a policy option // The New York Times. 12.01.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/12/world/asia/south-korea-nuclear-weapons.html> (дата обращения: 10.08.2023).
10. Gan N., Bae G., Ogura J. Japan and South Korea agree to mend ties as leaders meet following years of dispute // CNN. 16.03.2023. <https://edition.cnn.com/2023/03/15/asia/south-korea-yoon-japan-visit-regional-security-int-hnk/index.html> (дата обращения: 10.08.2023).
11. Kim Soo-yeon. N.K. leader says 2 Koreas are 'hostile nations at war' with no chance of unification // Yonhap News Agency. 31.12.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231231002300315> (дата обращения: 10.01.2024).
12. Leader's Joint Statement in Commemoration of the 70th Anniversary of the Alliance between the United States of America and the Republic of Korea // The White House. 26.04.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/04/26/leaders-joint-statement-in-commemoration-of-the-70th-anniversary-of-the-alliance-between-the-united-states-of-america-and-the-republic-of-korea/> (дата обращения: 25.07.2023).
13. Solis M. Japan's democratic renewal and the survival of the liberal order // Brookings Institution. 22.01.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/japans-democratic-renewal-and-the-survival-of-the-liberal-order/> (дата обращения: 02.08.2023).
14. Workman D. China's Top Trading Partners // World's Top Exports. URL: <https://www.worldstopexports.com/chinas-top-import-partners/> (дата обращения: 02.08.2023).
15. Yamaguchi M. Japan declares plan to have preemptive strike capability and cruise missiles // Japan Times. 17.12.2022. URL: <https://japantoday.com/category/politics/as-regional-threats-rise-japan-eases-defense-only-strategy> (дата обращения: 10.08.2023).

References

1. China changed its stance to Kuril Islands // RIA Novosti. 03.04.2023. URL: <https://ria.ru/20230403/kurily-1862731351.html> (accessed 13.08.2023).
2. Lavrov: provisions of China-Russia roadmap on the DPRK were acknowledged as highly demanded // TASS. 21.03.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5050963> (accessed 25.07.2023).
3. Lakstygai I. Russia abolished the peace treaty issue with Japan // Vedomosti. 10.02.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/02/10/962581-rossiya-ne-hochet-mira> (accessed 10.08.2023).
4. Petrov G. Mongolia is gravitated to the USA // Nezavisimaya Gazeta. 03.08.2023. URL: https://www.ng.ru/world/2023-08-03/6_8791_mongolia.html (accessed 13.08.2023).
5. Russia's Government Decree, March 5, 2020, N430-r // Government of the Russian Federation. URL:

<http://government.ru/docs/44745> (accessed 02.08.2023).

6. Auslin M. Why Japan should join AUKUS // Foreign Policy. 15.11.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/11/15/japan-ukus-jaukus-security-defense-pact-alliance-china-containment-geopolitics-strategy-indo-pacific/> (accessed 10.08.2023).

7. Bush R.C. Taiwan's democracy and the China challenge // Brookings Institution. 22.02.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/taiwans-democracy-and-the-china-challenge/> (accessed 02.08.2023).

8. Chan M. China and Russia to hold joint military drills in strategic waters near Japan // South China Morning Post. 15.07.2023. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3227824/china-and-russia-hold-joint-military-drill-strategic-waters-near-japan> (accessed 10.08.2023).

9. Choe Sang-Hun. In a first, South Korea declares nuclear weapons a policy option // The New York Times. 12.01.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/12/world/asia/south-korea-nuclear-weapons.html> (accessed 10.08.2023).

10. Gan N., Bae G., Ogura J. Japan and South Korea agree to mend ties as leaders meet following years of dispute // CNN. 16.03.2023. <https://edition.cnn.com/2023/03/15/asia/south-korea-yoon-japan-visit-regional-security-int-hnk/index.html> (accessed 10.08.2023).

11. Kim Soo-yeon. N.K. leader says 2 Koreas are 'hostile nations at war' with no chance of unification // Yonhap News Agency. 31.12.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231231002300315> (accessed 10.01.2024).

12. Leader's Joint Statement in Commemoration of the 70th Anniversary of the Alliance between the United States of America and the Republic of Korea // The White House. 26.04.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/04/26/leaders-joint-statement-in-commemoration-of-the-70th-anniversary-of-the-alliance-between-the-united-states-of-america-and-the-republic-of-korea/> (accessed 25.07.2023).

13. Solis M. Japan's democratic renewal and the survival of the liberal order // Brookings Institution. 22.01.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/japans-democratic-renewal-and-the-survival-of-the-liberal-order/> (accessed 02.08.2023).

14. Workman D. China's Top Trading Partners // World's Top Exports. URL: <https://www.worldstopexports.com/chinas-top-import-partners/> (accessed 02.08.2023).

15. Yamaguchi M. Japan declares plan to have preemptive strike capability and cruise missiles // Japan Times. 17.12.2022. URL: <https://japantoday.com/category/politics/as-regional-threats-rise-japan-eases-defense-only-strategy> (accessed 10.08.2023).

Андрей Владимирович ГУБИН, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия; адъюнкт-профессор Исследовательского центра Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета г. Чанчунь, Китай, e-mail: gubin.av@dvvu.ru

Andrey V. GUBIN, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Adjunct-Professor, North East Asia Research Center, Jilin University, Changchun, China, e-mail: gubin.av@dvvu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 08.12.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 23.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024